

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Ответственный редактор
А. М. ГРАЧЁВА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1994

Рецензенты Л. Н. КЕН, С. Ю. ЯСЕНСКИЙ

ISBN 5-86007-024-1

© Институт русской литературы (Пушкинский
Дом) Российской Академии наук, 1994
© Издательство «Дмитрий Буланин», 1994

«СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ» А. РЕМИЗОВА И ИДЕОЛОГИЯ СКИФСТВА Р. ИВАНОВА-РАЗУМНИКА

В более экспериментальных произведениях Ремизова второй половины 1910-х гг. возрождаются забытые слои русской словесности. В этот переломный момент Ремизов пытается повсеместно мифологизировать историю посредством «приписывания» своих собственных текстов на полях текстов прошлого. У Ремизова процесс творчества часто связан с каким-то переписыванием (либо в буквальном, либо в переносном смысле) источника.

Ярким примером такой переработки архаических форм служат два ремизовских «слова»: «Слово о гибели русской земли» (1917) и «Заповедное слово русскому народу» (1918). Здесь речь не идет ни о какой стилизации: оба произведения являются вполне оригинальными попытками воссоздать древний жанр ораторской поэзии русского Средневековья. Хотя ремизовское «Слово о гибели» перекликается с одноименным произведением XIII в., в нем нет прямой вторичности ремизовских апокрифов и сказок. Опубликованные после большевистского переворота, оба произведения жестко обличают революцию, используя риторику ветхозаветных пророчеств.

Ремизовские «слова», кроме того, позволяют нам определить положение их автора в литературном процессе того времени. «Заповедное слово» вышло в конфискованном номере «Воли народа»,¹ оно скоро забылось. А «Слово о гибели русской земли» оказалось поводом для напряженной полемики об историческом смысле революции. Анализ «Слова о гибели» и вызванных им критических откликов позволяет выяснить сложный вопрос об отношении Ремизова к группировке писателей, стоявших под знаменем «скифства» Иванова-Разумника.

Термин «скифство» имеет многозначную предысторию. Впервые, он намекает на кочевые племена, описанные как в «Истории» Геродота, так и у других авторов греко-римской античности. За несколько веков до нашей эры скифские племена бродили по степи Северного Причерноморья и пользовались славой выдающихся всадников и свирепых воинов у соседствовавших с ними народов. Во второй половине XIX в. в России возник огромный интерес к древним скифам вследствие раскопок И. Е. Забелина и других исследователей доисторических культур на территории Российской империи.² Вслед за этим

скифы стали повторяющимся мотивом русского модернизма, обозначающим и экзотическое варварство, и свободу от эстетических норм истощенной западной цивилизации. Когда в 1912 г. на страницах журнала «Заветы» Иванов-Разумник стал писать под псевдонимом «Скиф»,³ этот термин в некоторой степени уже воспринимался как некое клише. Именно в «Заветах» Иванов-Разумник многократно обращался к творчеству Ремизова для подбора ключа к расшифровке загадочной исторической судьбы России. Журнал «Заветы» закрылся в 1914 г., а через три года Иванов-Разумник оказался лидером так называемого «скифского движения» и редактором нового, недолго существовавшего журнала «Скифы».

Приглашая Ремизова публиковаться в журнале, Иванов-Разумник, наверно, ожидал, что тот примкнет к идеологическим позициям, изложенным в предисловии к первому номеру журнала.⁴ А во втором номере «Скифов», появившемся весной 1918 г., вышло «Слово о погибели» вместе со статьей Иванова-Разумника, резко осуждавшей его. Так открылись жаркие прения по ремизовскому «Слову».

В чем же состоит «скифство» и какую роль в нем играл Иванов-Разумник как его главный идеолог? Чтобы составить себе общее представление об этом, не совсем ясно определенном движении, можно сослаться на статьи Иванова-Разумника, над которыми он работал в то время, когда он брался за подготовку первого номера «Скифов». Летом и осенью 1916 г. он жил в городе Шелонская Пятина Псковской губернии и оттуда написал ряд статей о своих деревенских впечатлениях для «Русских ведомостей». В них обнаруживается стремление к анахронизму, которое лежит в основе «скифства». Вот, например, как в одной из статей Иванов-Разумник представил картину первобытного поселения: «Пустынная река тихо катит волны мимо крутого речного края. Здесь когда-то, тысячи и тысячи лет тому назад, было «городище», — укрепленный стан людей каменного века; теперь балластные поезда берут отсюда песок, раскатывая кости людей и животных».⁵ Сравнение между кочевьем каменного века и поездками современности показательно. Так как Иванов-Разумник не интересовался археологическими данными и нигде в своих статьях не упоминал ни о каких раскопках, можно предположить, что конкретного «городища» не было. И поскольку культура древних скифов была уже далеко впереди каменного века, здесь речь идет совсем о другом. Видимо, историк русской общественной мысли искал в доисторическом прошлом архетип, который поможет разъяснить современный кризис. Это путь к тому, что Э. Мелетинский, вслед за Юнгом и Элиаде, называл первоначальным временем происхождения, предпологаемым этиологическим мифом.⁶

Накануне 1917 г. Иванову-Разумнику казалось, что революция даст возможность разрушить историческое время и создать новое мифическое время первотворения. Для него, левого

социал-революционера, который через год с небольшим станет литературным редактором газеты «Знамя труда», именно идеологическое значение исторического момента доминировало над всякими другими критериями. Итак, подходя к категории «скифства», Иванов-Разумник устремлялся в доисторическое прошлое, чтобы найти архетип для создания революционной эстетики. С этой точки зрения революция сама является новым пра-временем (Ur-Zeit), в котором «скифство» строит целостную мифологию из следов более раннего мифологического времени.

Такое понимание циклической структуры мифа есть, конечно, отголосок концепции «вечного возвращения» Ф. Ницше. Как отмечает Эдит Клоус в своей монографии о влиянии Ницше на русский модернизм,⁷ традиционное мифическое мышление устремляется в сакральное время преобразования, находящееся в дальнем прошлом, тогда как мифотворчество русского модернизма передвинуло это сакральное время в ближайшее будущее.

«Скифство» отличалось тем, что оно намеренно затеняло грани между прошлым и будущим, оправдываясь вульгаризованным изложением ницшевского понимания «вечного возвращения». Таким образом, например, это изложено в статье А. Аврамова «В дебрях эстетики: интуиция или эрудиция?», которая вышла в первом номере «Скифов»: «нас не пугает, не останавливает ни положительная бесконечность — будущее, ни отрицательная — прошлое, теряющееся в туманных далях недосягаемости. С одинаковым рвением погружаемся мы в глубь отошедших веков и тьму грядущих — в искании истины. Мы верим: она там, в той никогда не достигаемой точке, где встречаются обе бесконечности, замыкая великий круг бытия мира».⁸ У Аврамова, так же как и у Иванова-Разумника, главные задачи «скифства» — переосмыслить мифические повествования, найти доступ к коренному русскому доисторическому прошлому, и, прежде всего, освободиться от бремени традиции накануне перелома, обещающего России начало нового сакрального времени. Но древние мифы сами по себе мало интересовали Аврамова. Далее в статье он упоминал о духе «исторического ретроспективизма»,⁹ который позволяет художнику воссоздать мифическое сознание, совсем обойдя научное исследование дошедших до нас следов культуры, в которой тот или другой миф создавался.

Отметим, что такой подход был у Иванова-Разумника во вводной статье первого номера «Скифов». Для него скифы как таковые не существуют, они служат лишь поводом для революционной переоценки культурных и общественных ценностей. На продолжении всей статьи Иванов-Разумник говорил о «скифах» во множественном числе, чтобы подчеркнуть отождествление участников журнала со скифами древности, которые были представлены как предтечи современного «скифства». Показательно, что Иванов-Разумник лишь один раз сослался на

Геродота тогда, когда отметил его описание широкого размаха скифских походов. Но в общем, образ скифов у Иванова-Разумника отуманен публицистической тенденциозностью. Так, например, он ввел в статью нарочитый анахронизм — упоминание о «скифах при дворе Византийца»,¹⁰ хотя в действительности скифы, окончательно побежденные сарматами во II в. до н. э., исчезли за несколько веков до возникновения Византийской империи. Такой явно фантастический образ скифов отражал скорее всего настроение самого Иванова-Разумника и, может быть, редакторского коллектива журнала. Весной 1917 г., писал Иванов-Разумник, «скифами при дворе Византийца чувствовали себя мы — тесный кружок родных по духу людей — в годы войны, вынесшей огнем испытания даже те малые и слабые ростки Нового, Живого, на чем отдыхал глаз в довоенные годы».¹¹ Здесь кризису современности решительно отведено первое место, и исторические скифы буквально терялись «в туманных даях недосягаемости».

Тем не менее вышеупомянутая ссылка на Геродота помогала объяснить максимализм Иванова-Разумника. Описание скифских земель в «Истории» давало ему образы раздолья и бесконечных возможностей: «Мы чувствовали себя одинокими. Хотя мы знали, безграничны поприща скифских поселений от севера, где снежистыми перьями полнится воздух — до истоков Инда и Ганга, до пальмами оттороченного Малабарского берега: так определял скифские границы Геродот. Безграничные поприща... но тяжелым пологом перекрыли их века безземельной и безвольной жизни и примесь — рабьей крови — обезображено лицо былых скифов. Ведь об этом печаловались еще древние: уже во времена Плиния во множестве были они: *Scythae degeneres et a servis orti...*».¹²

Здесь у Иванова-Разумника оборвана сделанная с ошибкой цитата из «Естественной истории», которая должна читаться так: «*Scythae degeneres et a servis orti*»¹³ («Скифы низшего класса и от слуг рождены»). Далее Иванов-Разумник утверждал, что «февральские дни»¹⁴ освободили новых скифов от той обременности, в которой они находились до революции. Таким образом, ему удалось не без затруднений слить две временных рамки, перерабатывая древние сообщения о скифах в современный миф.

Во-первых, латинское слово «*degeneres*» совсем не обозначает «вырождение». Оно значит просто «низший класс». Во-вторых, Плиний не приписывает упадок скифов межплеменному браку. Опять обнаруживается анахронизм — Плиний как-то оказывается под влиянием расовых теорий Гобино, французского мыслителя XIX в. Кроме того, Иванов-Разумник употребил местоимение «мы», когда он говорил об основателях журнала, и местоимение «они», чтобы указать на древних скифов. Это различие не совсем ясно, пока он не упоминает о Геродоте. До этого места кажется, что он писал о пределах скифских земель

как бы на основании «личного опыта». Эта неотчетливость намеренная, так как Иванову-Разумнику нужен был прежде всего образ неопределенного пространства: «Февральские дни до дна растворили это чувство. На наших глазах порывом вольным, чудесным в своей простоте порывом, встала, от края до края, молчаливая, гнилым туманом застланная Земля».¹⁵

Иванов-Разумник обратился к образу древних скифов как к исторической метафоре, необходимой для нового времени, когда новые «скифы» — трибуны революционной культуры, создают искусство будущего. Эти «скифы» будут независимы от эстетической традиции и от политической идеологии. «Скифство» требует разрыва с историей.

Ремизовское «Слово о погибели», наоборот, оплакивает утрату исторического сознания. Ремизов, так же как и Иванов-Разумник, обратился к земле, каждый из них строил свою мифологию на основе особой пространственной модели мира. Но если, концепция «скифов» Иванова-Разумника сводится иногда к чистой метафоре, то у Ремизова народная культура вполне отождествима с метафорой «земли». Такой подход оправдывается жанровым определением произведения: оригинальное «Слово о погибели» или та часть, которая дошла до нас,¹⁶ внимательно описывает объем русских земель и перечисляет иноязычные племена, живущие на территориях, прилегающих к ним. В ремизовском «Слове о погибели» понятие «русская земля» станет метонимией деревенского быта. Всеобъемлющая широта степи символизирует цикличность крестьянских обрядов: «Широка раздольная Русь, родина моя, принявшая много нужды, много страсти, вспомнать невозможно, вижу тебя, оставляешь свет жизни, в огне приверженная. // Были будни, труд и страда, а бывал и праздник с долгой всенощной, с обеднями, а потом с хороводом громким, с шумом, с качелями. // Был голод, было и изобилие. // Были казни, была и милость. // Был застенок, был и подвиг: в жертву приносили себя ради счастья народа».¹⁷

Перечень противопоставлений напоминает третью главу Екклесиаста («Время всякой вещи»). Русь разгромлена огнем войны и революции, ее раздолье превратилось в пустоту. Революция, таким образом, положила конец историческому времени. Вслед за ней — пустыня, где даже вера исчезла, где обнаруживается крайнее духовное истощение русской культуры: «Нет веры в России, нет больше церкви, это ли церковь, где восхваляют временное? // И время пропало, нет его, кончилось время».¹⁸

На протяжении всего произведения повествователь выступает как бы в роли ветхозаветного пророка, разоблачающего грехи Израиля и указывающего путь к спасению.

Библейские сказания о нашествии и изгнании служили Ремизову архетипами той катастрофы, свидетелем которой он был во время войны и революции. Ремизовское «Слово о погибели», по сути, — пророчество. В каждой главе разверты-

вается диалог автора с родиной. Она олицетворяется в «Слове» в женском облике. При этом повествователь часто намеренно подражает риторике пророков Ветхого Завета. Так у Ремизова: «О, моя родина обреченная, пошатнулась ты непоколебимая, и твоя багряница упала с плеч твоих. // (...) Ты и ныне, униженная, затоптанная, когда пинают и глумятся над святыней твоей, ты и ныне безгласна».¹⁹ Когда речь идет об оскорблении «святыни», имеется в виду и опустошение храма, и утраченная девственность (это — отголосок шестнадцатой главы Иезекииля, в которой описаны блудодеяния дочери Иерусалима). Кроме того, автор начинает здесь развивать антитезу «речь—молчание», которая продолжается на протяжении всего «Слова». Дальше он косвенно намекает на Иоанна Крестителя («глас вопиющего в пустыне», Исаия, 40, 3): «Ободранный и немой стою в пустыне, где была когда-то Россия».²⁰

«Немота» повествователя подчеркивает и его обособленность, и разорение русской земли. В Иезекииле (3, 26; 24, 27; 33, 22) часто встречается фигура пророка, который страдает немотой до того самого момента, когда придется высказать откровение. В каждом случае язык пророка развязывается с тем, чтобы разбудить праведных к возрождению Израиля.

Ремизовское «Слово о погибели» рисует тот же самый конец истории, который стал уже общим местом русской культуры накануне революции. Но автор ведет здесь свою собственную полемику с понятием социалистической утопии: «Скоро настанет последний час, скоро пробьет он. // Без четверти двенадцать. // Слышите! Нет ничего, ни Кремля, ни России — ровь да гладь. // Приходи и строй! Приходи, кому охота, и делай дело свое, — воздвигай новую Россию на месте горелом. // А про старое — забудь».²¹ Еще будучи студентом Московского университета в 1895—1896 гг., молодой Ремизов вчитывался в общественную теорию марксизма. В этих строках «Слова» можно найти отголосок его ранних революционных увлечений — иронический призыв к воздвижению новой России «на месте горелом» адресован знаменитому заявлению Прудона: «*destruam et aedificabo*».²² Подобная полемика найдется и в «Заповедном слове русскому народу».

В том же номере «Скифов», в котором было опубликовано «Слово о погибели», появилась статья Иванова-Разумника «Две России». Она содержала резкие нападки на Ремизова: «Всякая революция враждебна духу ветхозаветного „Святого Израиля“ — „Святой Руси“, и когда приходит она, то видят в ней староверы лишь гордыню дьявольскую, лишь „похвальбу“, которую надо отринуть и сопричьсть к разбойникам».²³ И в таком тоне редактор писал о произведении, только что опубликованном в его же журнале.

Почему же Иванов-Разумник пригласил Ремизова публиковаться в «Скифах»? Другой неортодоксальный приверженец теорий Иванова-Разумника, хотя тоже «скиф», Евгений Замятин

выдвинул в своей статье «Скифы ли?» гипотезу о том, что Иванов-Разумник предложил Ремизову место в журнале именно с тем, чтобы напасть на него: «И на тот же самый предмет Иванов-Разумник взял в торжественную процессию Ремизова: для пущего прославления победоносцев». ²⁴ Но этим вопрос вряд ли исчерпывается.

Скорее всего, возражения Иванова-Разумника были результатом глубокого разочарования в писателе, произведения которого он долго считал воплощением собственной идеологической программы. Для Иванова-Разумника Ремизов был обличителем застойности уездной жизни. Но после Октябрьской революции Иванову-Разумнику пришлось переоценить творчество Ремизова.

Показательно, что в конце 1916 г. Иванов-Разумник взял с полки роман «Пятая язва» и стал вдумываться в значение ремизовской прозы для России в период переломного момента ее истории: «В ожидании будущего взялся я за прошлое — и проводил старый год чтением старого романа А. М. Ремизова „Пятая язва“: читал, как „вождь жизни, старец Шапаев“ блудом лечил, бесов изгонял — и попал в тюрьму за свои методы лечения. Старец Шапаев был сложной фигурой, и та свистопляска, которая началась в городе Студенце после ареста старца Шапаева следователем Бобровым, показывает всю толщу обывательщины российской». ²⁵

Через год, прочитав «Слово о погибели», Иванов-Разумник отождествил следователя Боброва с его создателем: «Была у следователя Боброва „заветная тетрадь“: „крест трудов“ его, „плач“ над разором русской земли, плач о гибели русского народа. Тетрадь эта ныне перед нами: воскрес Бобров и дописал свой „плач“, написал „Слово о погибели Русской земли“. Да и многое ли пришлось ему добавить? И тогда говорил и теперь он одно и то же говорит теми же словами». ²⁶

По мнению Иванова-Разумника, «Слово о погибели» является продолжением заветной тетради Боброва — обреченного главного героя романа «Пятая язва». Бобров — фанатичный коллекционер и графоман, который в своем отношении к письменности, к собиранию текстов имеет некое сходство с автором — Ремизовым. И если можно говорить о некотором автобиографизме «Пятой язвы», то это только в связи с общим и у героя, и у автора стремлением к собиранию документов русского прошлого. Но Бобров воплощает только часть писательской «биографии» Ремизова, и Иванов-Разумник в своей статье о «Слове» намеренно «ошибся» в плане полного отождествления Боброва с автором. Здесь налицо явно тенденциозная попытка со стороны Иванова-Разумника отречься от своих прежних взглядов на писателя, который не оправдал программных ожиданий «нового Белинского» (именно в такой роли Иванов-Разумник представлял себя в своих рецензиях для журнала «Заветы»).

Примечания

- ¹ *Lampl H.* Innovationsbestrebungen im Gattungssystem der russischen Literatur. // Wiener Slawistisches Jahrbuch. 1978. № 24. S. 170.
- ² *Доватур А. М.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 23.
- ³ Заветы. 1912. № 6. С. 46—68.
- ⁴ *Иванов-Разумник Р.* Вместо предисловия. // Скифы. 1917. № 1. С. VI—XII.
- ⁵ *Иванов-Разумник Р.* Перед грозой. Пг., 1924. С. 61.
- ⁶ *Мелетинский Э. М.* Поэтика мифа. М., 1976. С. 173.
- ⁷ *Clowes E. W.* The Revolution of Moral Consciousness: Nietzsche in Russian Literature. Illinois, 1988. P. 12—13.
- ⁸ *Авраамов А. В.* дебрях эстетики: интуиция или эрудиция. // Скифы. 1917. № 1. С. 141.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Иванов-Разумник Р.* Вместо предисловия. // Скифы. 1917. № 1. С. VIII.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Plini.* Naturalis Historiae. Hamburg et Gothae, 1851. Т. 1. С. 304. *Иванов-Разумник* на протяжении статьи привел эту фразу трижды, каждый раз с новой ошибкой.
- ¹⁴ *Иванов-Разумник Р.* Вместо предисловия. С. VIII.
- ¹⁵ Там же. С. IX.
- ¹⁶ *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы «Слово о погибели русской земли». Л., 1965. С. 6—11, 107—109. Оригинальное «Слово о погибели» обнаружено в 1878 г. вместе с рукописью жития Александра Невского и другими произведениями того времени.
- ¹⁷ *Ремизов А. М.* Слово о погибели русской земли. // Скифы. 1918. № 2. С. 194.
- ¹⁸ Там же. С. 196.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 197.
- ²¹ Там же. С. 198.
- ²² *Berlin I.* Karl Marx: His Life and Environment. 1960. P. 7.
- ²³ *Иванов-Разумник Р.* Две России. // Скифы. 1918. № 2. С. 215.
- ²⁴ *Замятин Е.* Скифы ли? // *Замятин Е.* Сочинения. Т. 4. Мюнхен. С. 508.
- ²⁵ *Иванов-Разумник Р.* Перед грозой. С. 107.
- ²⁶ *Иванов-Разумник Р.* Две России. С. 215.